

Анна Владимировна Индзинская

*кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Государственного социально-гуманитарного
университета
(Коломна, Российская Федерация)*
annain76@mail.ru

**«ВСЯ ВАША И С КОСТЫЛЯМИ Е. ШТАКЕНШНЕЙДЕР»:
ПЕРЕПИСКА Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕР
и А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ***

Аннотация. Елена Андреевна Штакеншнейдер (1836—1897) — хозяйка литературно-художественного салона в Санкт-Петербурге в 1870-х — начале 1880-х годов — большую часть жизни вела дневники и поддерживала переписку со многими знаменитыми современниками, в частности с супружеской парой Достоевских. Свидетельством дружеских отношений Е. А. Штакеншнейдер с семьей Достоевских стали ее дневниковые записи, воспоминания, а также 14 сохранившихся писем: Ф. М. Достоевский — Е. А. Штакеншнейдер (2); Е. А. Штакеншнейдер — Ф. М. Достоевскому (3); Е. А. Штакеншнейдер — А. Г. Достоевской (8); А. Г. Достоевская — Е. А. Штакеншнейдер (1). Переписка Е. А. Штакеншнейдер и А. Г. Достоевской свидетельствует об этих двух женщинах не только как о близких Достоевскому людям, но и как о больших труженицах в деле сохранения культурного наследия России. Фрагменты трех писем Е. А. Штакеншнейдер к А. Г. Достоевской были опубликованы в «Литературном наследстве», т. 86 (М., 1973). В полном объеме их переписка публикуется впервые.

Ключевые слова: Е. А. Штакеншнейдер, А. Г. Достоевская, Ф. М. Достоевский, переписка, архивы России

Даты знакомства с Федором Михайловичем Достоевским Елена Андреевна Штакеншнейдер (см. о ней: [1], [2], [3], [4], [5]) вспомнить не могла, о чем и сокрушалась в своем дневнике: «...и я даже не внесла

в дневник точного времени, когда в первый раз явился он к нам. Помню только, что бывал он почти каждую субботу <...> т. е. до 1861 года, и в 1861 году...»¹

Михаил Павлович Покровский, давний знакомый Достоевского и частый посетитель салона Штакеншнейдеров, уговорил Елену Андреевну в начале 1870-х годов, когда Достоевские вновь оказались в Петербурге после долгого перерыва, вспомнить былое знакомство, и она первая отправилась к Достоевским домой:

Я робела, а встретил он меня в высшей степени ласково, даже более того, точно я ему оказала какую-то честь своим посещением, познакомил со своей женой и сказал, что помнит и меня и всех нас и помнит даже, в каких платьях я ходила десять лет тому назад, и что рад возобновить знакомство².

Возобновление «старинного знакомства» с семьей Штакеншнейдеров, по словам Анны Григорьевны Достоевской, и ее собственное знакомство с Еленой Андреевной, которую жена писателя назвала «центром» семьи, произошло в 1873 году³. Однако из письма Е. А. Штакеншнейдер к Достоевскому от 10 марта 1872 года следует, что он бывал у Штакеншнейдеров и ранее — в 1872 году: «Добрейший Федор Михайлович. Я по Вас соскучилась. Вы совсем нас забыли. Как бы я была счастлива, если бы Вы приехали к нам в воскресенье, т. е. 12 марта. <...> Если только можно, приезжайте. Надеюсь, что и супруга Ваша пожалует»⁴ (см. об этом: [1, 255]; [5, 721]). Между этими женщинами сложились дружеские отношения, отраженные в переписке. Им было суждено продолжаться, по-видимому, вплоть до смерти Е. А. Штакеншнейдер в 1897 году.

Илл. 1. Е. А. Штакеншнейдер. Фото 1850-х гг.

Сохранились две характеристики Е. А. Штакеншнейдер, принадлежащие перу жены писателя, которая в этих описаниях объединяет и свое мнение о Елене Андреевне, и оценку этой женщины самим Достоевским:

Федор Михайлович очень уважал и любил Елену Андреевну Штакеншнейдер за ее неизменную доброту и кротость, с которою она переносила свои постоянные болезни, никогда на них не жалуясь, а, напротив, ободряя всех своей приветливостью⁵.

Она была умна и литературно образованна и соединяла у себя по воскресеньям общество литераторов и художников. Она была всегда чрезвычайно добра к Федору Михайловичу и ко мне, и мы очень сошлись⁶.

В мемуарах Е. А. Штакеншнейдер добрым юмором сглаживает свои наблюдения над подчас непростыми отношениями супругов Достоевских:

Мы <...> сидели с Анной Григорьевной. И отвела же она наконец свою душу. Сестры слушали ее в первый раз и то ахали с соболезнованием, то покатывались со смеха. Действительно, курьезный человек муж ее, судя по ее словам. Она ночи не спит, придумывая средства обеспечить детей, работает, как каторжная, отказывает себе во всем, на извозчиках не ездит никогда, а он, не говоря уже о том, что содержит брата и пасынка, который не стоит того, чтобы его пускали к отчиму в дом, еще первому встречному сует, что тот у него ни попросит <...> она часто жалуется мне в этом роде и плачет⁷ (запись от 19 октября 1880 года).

Вероятно, одно из посещений А. Г. Достоевской (без мужа) дома Штакеншнейдеров послужило причиной семейной сцены и учительства Достоевского по отношению к жене (см. *Письмо 6* в Приложении к настоящей публикации).

Отношения между двумя женщинами, несмотря на разницу в возрасте и семейном положении (к тому же Е. А. Штакеншнейдер страдала с рождения заболеванием суставов, что обрекло ее на одиночество в личной жизни и создало со временем проблемы с передвижением — она не могла передвигаться без костылей), стали носить характер близких и доверительных. На бытовом уровне они выражались в готовности Штакеншнейдеров обмениваться с Достоевскими книгами и периодикой, сохранять их вещи на время смены жилья, а также в знакомстве и общении младших членов семейств — Алеси и Веры Эйснеров с Любой и Федей Достоевскими.

Однако, несомненно, нечто большее, чем обычная человеческая симпатия, понуждало этих женщин выстраивать и сохранять отношения. Думается, что причин было, по меньшей мере, две.

Первая — в признании обеими величины фигуры Ф. М. Достоевского для русской культуры. Значение это, по мнению Е. А. Штакеншнейдер, состояло не столько в писательском таланте Достоевского, сколько в беспрестанном духовном совершенствовании писателя, позволяющем «передать словами все неуловимейшие движения души человеческой»⁸. Свойство, подмеченное Штакеншнейдер, происходило, по ее наблюдению,

из-за особого качества души писателя, которое вырабатывалось годами напряженной работы над собой: Достоевский имел душу «не гордую <...>, а мягкую, склоняющуюся, которая может нагнуться, умалиться и пройти в душу ближнего; а там уже видно, чем больна эта душа и чего ей нужно»⁹. Поэтому стремление быть рядом с тем, кто тебя сильнее в духовном плане, наблюдать за движениями более совершенной души, чем собственная, — это очень понятное, но часто не осознаваемое людьми желание.

Вторая причина, послужившая продолжению отношений двух женщин в течение десятков лет, — сохранение памяти о выдающихся событиях в их жизни (о чем, в частности, свидетельствует и страсть Анны Григорьевны к собиранию автографов, портретов известных деятелей, упоминающаяся в публикуемой переписке) и прежде всего *через письменное слово*. Наверное, поэтому, несмотря на признание Достоевской в «полном отсутствии в себе литературного таланта», долг свидетеля побуждает её, помимо всей колоссальной работы, проведенной по сохранению наследия мужа (разбор рукописей и архива, издание полного собрания сочинений, открытие школы в память о нем, создание музея и др.), заняться еще и мемуарами в надежде, что ими «заинтересуются <...> дети, внуки, а может быть, и некоторые поклонники таланта» Достоевского¹⁰.

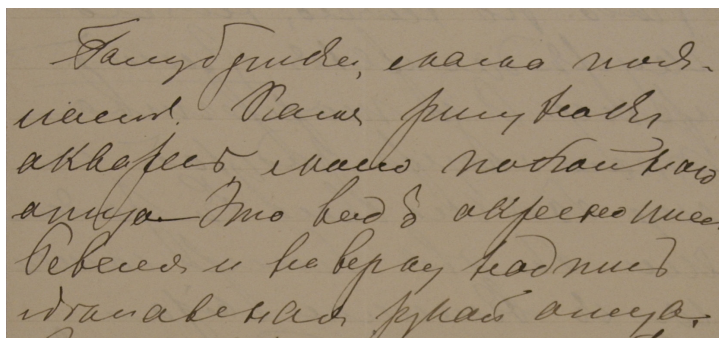
Сходное желание владело и Е. А. Штакеншнейдер на протяжении всей жизни. Доказательством тому может служить запись в ее дневнике от 10 января 1862 года, оставшаяся неопубликованной, в которой молодая женщина выражает свое *credo*:

Без таланта, без способностей, не имея ничего, что бы могла я принести за жизнь и ее дар, какие бы они ни были, я даю труд мой. Я употребляю все мои старания, все умственные силы, чтоб выразить, чтоб передать то, что передано мне, все, что я приняла из книг, или живым словом, или наблюдением. Для чего же принимала я столько, для чего же работала? Неужели же для себя? Чтоб насытить себя и потом что? Для чего же тогда насыщаться? — Я попробую, я употреблю все свои силы, я стану трудиться, исчерпаю себя и не сдамся... Я начинаю писать не из тщеславия, даже не для того, чтобы наполнить пробелы жизни, свободное время, но потому, что я много получила и должна за то заплатить. Мое богатство не должно, не может лежать мертвым капиталом, я употреблю его, как только сумею. Выбора мне нет, если бы могла я сделаться женою или матерью, я бы не стала писать, но двери этого прямого пути женщины мне закрыты <...> уроков давать я не могу, талантов у меня никаких нет, остается писать. Писать не из наслаждения, не для того, чтоб передавать свои мысли, плоды моего воображения, но для того, чтоб потрудиться, где все трудятся, чтоб сделать, что могу, с доброй волей, с искренним желанием заплатить долг¹¹.

В течение нескольких десятилетий она вела дневники, запечатлевая семейную хронику Штакеншнейдеров, портреты современников и их высказывания, описывая события, достойные, по ее мнению, остаться в памяти, выражая, наконец, свои неординарные суждения о явлениях литературы и искусства...

Одной из последних записей, известных на сегодня, стал словесный портрет А. Г. Достоевской от 19 января 1886 года, созданный с мастерством аналитика, так сильно проявившимся у Е. А. Штакеншнейдер:

Когда же неумолимая смерть навеки сковала его уста, весь Петербург, кажется, перебивал у его вдовы... Теперь — никого и ничего!.. Но умная женщина и бровью не ведет, что она это замечает. По-прежнему много говорит, экспансивна по-прежнему, но об этом — ни слова <...> Когда она занималась первым (изданием сочинений Достоевского. — А. И.), то всех просила не приходить к ней по будням, когда она занята подпиской и прочим... Теперь она точно так же просит по будням не ходить, а пожаловать в воскресенье, но в будни ей не мешают, а воскресенья пусты. Она же звонко и бойко твердит все о том, как много дела и мало времени... Никто так не умеет смешить меня, как Анна Григорьевна. Иногда и не хочешь, да рассмеешься... Оттого, может быть, что как-никак, а Анна Григорьевна все-таки умная женщина, и бодрости в ней много, оттого, может быть, видя, что и она сама не унывает, и собеседник ее не считает нужным делать постыдную физиономию, а так как в ее приключениях всегда есть частичка комического, чего она и не скрывает, то невольно и разбирает смех. А она никогда не сердится и сама ему вторит¹².

Илл. 2. Отрывок из письма Е. А. Штакеншнейдер к А. Г. Достоевской
(ОР РГБ. Ф. 93.И.9.150)

Письменных знаков дружбы Е. А. Штакеншнейдер и А. Г. Достоевской, несомненно, было больше (см., например, запись Е. А. Штакеншнейдер от 19 января 1886 года: «На днях Анна Григорьевна пишет мне, между прочим: “Мне хуже или лучше, судя по тому, сердита я или нет”»¹³ — это письмо утрачено), но даже те письма, что мы имеем возможность прочесть,

свидетельствуют об этих женщинах не только как о близких Ф. М. Достоевскому людям, но и как об усердных труженицах в деле сохранения наследия отечественной литературы и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Научное издание мемуаров, дневников и переписки Е. А. Штакеншнейдер» (№ 15-04-00477а).
- ¹ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. М.; Л., 1934. С. 454. с 20 декабря 1859 года, а также 1860—1861 годы Достоевский жил в Петербурге, отлучаясь из города на короткий срок (см.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 280—304). «Летопись...» указывает время посещения Достоевским салона Штакеншнейдеров — «конец марта—декабрь» 1860 года (с. 303). А. М. Березкин, Б. Н. Тихомиров уточняют, что Достоевский был его постоянным посетителем до 1862 г., «когда Штакеншнейдеры, в связи с тяжелой болезнью главы семейства, уехали из Петербурга» [5; 721], «после чего встречи Е. А. Штакеншнейдер с Достоевским стали более случайными и редкими» [1; 255].
 - ² Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. С. 455.
 - ³ Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846—1917. М., 2015. С. 309.
 - ⁴ Неизданные письма к Достоевскому (публикация А. И. Батюто, А. М. Березкина, Т. И. Орнатской, Г. В. Степановой, И. Д. Якубович) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 254.
 - ⁵ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 404.
 - ⁶ Там же. С. 309.
 - ⁷ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. С. 432.
 - ⁸ Там же. С. 457.
 - ⁹ Там же. С. 459—460.
 - ¹⁰ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 42.
 - ¹¹ РГАЛИ. Ф. 923. Оп. 2. Ед. хр. 3.
 - ¹² Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. С. 449—450.
 - ¹³ Там же. С. 448.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березкин, А. М. Е. А. Штакеншнейдер. Комментарии. Неизданные письма к Достоевскому / А. М. Березкин // Достоевский: материалы и исследования. — Л., 1983. — Т. 5. — С. 254—255.
2. Коган, Г. Вступительная статья к публикации А. Эйснера «Из воспоминаний о Достоевском» / Г. Коган // Знамя. — 1991. — № 11. — С. 159—164.
3. Розанов, И. Н. Е. А. Штакеншнейдер и ее дневник / И. Н. Розанов // Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886). — М., Л.: Academia, 1934. — С. 7—27.
4. Тихомиров, Б. Н. Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди / Б. Н. Тихомиров. — СПб., 2012. — С. 73—83 (гл. «В гостях у “горбуни с умным лицом...”»: в салоне Е. А. Штакеншнейдер).
5. Тихомиров, Б. Н. Примечания / Б. Н. Тихомиров // Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846—1917. — М.: ООО «Бослен», 2015. — С. 697—765.

Дата поступления в редакцию: 18.11.2015